

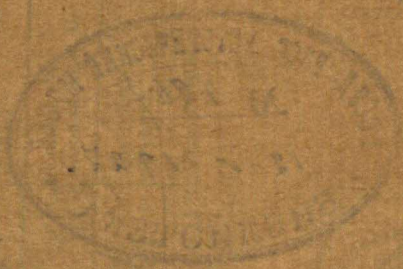
6

ОХОТА

Р 24 1/81

В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Редакция и вступительная статья Ник. Смирнова



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“
Н. А. СТОЛЛЯР — МОСКВА 1927 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Писатели и охота—Вступительная статья—Ник. Смирнов 5

Охота и природа

С. Т. Аксаков—Слово об охоте 19
Л. Мей—Охотничья старина 24
Ив. Тургенев—Лес и степь 35

Талый ключ

Л. Н. Толстой—Из романа „Анна Каренина“ 45
Ал. К. Толстой На тяге (стих.) 50
А. Куприн—Лесная глушь 52
А. Яковлев—Утренища 62
Паит. Романов—Охотник 69
С. Т. Аксаков—Первая весна в деревне 80

Суховей

Ив. Бунии—Сон Обломова-внука 89
Л. Н. Толстой—Из романа „Анна Каренина“ 97
А. Фет—Лес (стих.) 112
Д. Мамин-Сибиряк—Медвежий угол 113
Н. Лесков—Летнее утро 130
Г. Р. Державин—Охотник (стих.) 133
С. Сергеев-Ценский—Аракуш 134
Ив. Бунии—Пугач (стих.) 148
А. Марлинский—Из поэмы „Охота“ 149
Ал. К. Толстой—Два дня в киргизской степи 151
М. Лермонтов—Из поэмы „Мцыри“ 169
Н. Н. Толстой—Травля кабанов 172
Л. Мей—Облава (стих.) 183
А. Чехов—Свирель 189

Уснувшие дубравы

А. Пушкин—„Октябрь уж наступил“ (стих.)	201
А. Пушкин—Из поэмы „Граф Нулиос“	202
Ив. Бунин—В отъезде поле (стих.)	204
Ив. Бунин—Туман (стих.)	205
А. Фет—Псовая охота (стих.)	206
Л. Н. Толстой—Из романа „Война и Мир“	208
Н. Некрасов—Псовая охота (стих.)	234
Ив. Тургенев—Дед (стих.)	241
Д. Мамин-Сибиряк—На перлвале	243
Ал. К. Толстой—„Когда природа вся трепещет и сияет“ (стих.)	249
А. Фет—„Ель рукавом мне тропинку завесила“ (стих.) . .	251

Пороша

П. Вяземский—Первый снег (стих.)	254
С. Т. Аксаков—Очерк зимнего дня	256
Ив. Бунин—Олень (стих.)	261
Ив. Касаткин—Лоси	262
П. Мельников-Печерский—Из романа „В лесах“	272
П. Соколов-Микитов—Найденое Луг	276
Бор. Зайцев—Мгла	284
Ив. Бунин—Русак	290
Михаил Пришвин—Смертный пробег	292
Сергей Есенин—Лисица (стих.)	299

Друг и спутник

Михаил Пришвин—Любовь Ярика	303
Сергей Есенин—Песнь о собаке (стих.)	314
Ив. Тургенев—Пегас	316

П р и л о ж е н и е

Г. П. Давилевский—Четыре времени года украинской охоты.	329
---	-----

Ив. Бунин

Сон Обломова-внука

Иле девять лет. На нем гимназический картуз, шелковая коричневая косоворотка, козловые сапожки с сафьяновым ободком на голенищах. Он сидит сзади отца на беговых дрожках, дрожки шибко катятся большой дорогой, а вокруг—поле, летнее жаркое утро...

Старую донскую кобылу подали к крыльцу чуть не на рассвете. Но, боже, сколько раз заглядывал Иля в кабинет отца, в тщетной надежде, что разговор со старостой кончен! Уже и росистая трава в тени от амбаров успела высохнуть, и запахло в саду оцепеневшей на солнечном припеке черемухой... Даже кобыла, и та стала задремывать от скуки: осела на левую заднюю ногу, прижала одно ухо, прикрыла глаза...

Но всему бывает конец,—кончилась и пытка ожидания. Держится Иля за кожаную подушку сиденья, задрав ноги на заднюю ось и почти касаясь лбом витых стволов на спине отца, поглядывает, как трепещут сверкающие на солнце спицы, как бежит по пыли возле них белая, с подпалинами, Джальма, близко видит загорелую шею

и широкий затылок под белым картузом... Солнце стоит высоко и сильно припекает, кожа на дрожках стала горячая—приятно пахнет нагретой кожей и колесной мазью. Душная густая пыль облаком встает из-под колес, парусиновый пиджак на плечах отца темнеет... Но вот и проселок—полевой рубеж, длинным узким коридором теряющийся меж стенами высокой серо-зеленой ржи. Отец сдерживает лошадь и закуривает, пуская через плечо клуб душистого дыма...

Ах, эти проселки! Весело ехать по глубоким колеями, заросшим муравой, повиликой, какими-то белыми и желтыми цветами на длинных стеблях. Ничего не видно ни впереди ни по сторонам,—только бесконечный, суживающийся вдали коридор, меж стенами колосистой гущи, да небо, а высоко на небе—жаркое лучистое солнце. Синие васильки, лиловый куколь и желтая сурепка цветут во ржи. Дрожки задевают колосья, растущие кое-где по дороге, и они однообразно клонятся под колеса и выходят из-под них черными, испачканными колесной мазью. Мелкие кузнечики сухим дождем непрерывно сыплются из подорожника... Неожиданно потянуло откуда-то легким ветерком, солнечной теплотой... Отец подбирает вожжи... И опять заиграли спицы, закружились перед глазами пестрые венки наvertевшихся на втулки цветов, запрыгали дрожки по выбоинам... Тут надо держаться покрепче, но, ухватившись за сиденье обеими руками, все-таки пристально следишь за тем, как навстречу, лоснясь, бегут серо-зеленые волны, как тень от облачка то там, то здесь на мгновение затушевывает их, как полоумная Джальма носится, хлопая ушами, за перепелами и жаворонками: иногда совершенно пропадает во ржи, — только по волнистой линии, струящейся

за нею, видно, где она,—а иногда высоко выпривает из колосьев, удивленно озираясь по сторонам...

Порою встречалась телега, а в ней—баба с белололовым мальчиком на коленях, которая неумело держит веревочные вожжи, неумело сворачивает, заезжая в рожь, а бокастая лошаденка с жадностью хватает губами колосья... Встретился однажды мужик: он без шапки сидел на грядке телеги, возле длинного узкого гробика из золотистого теса, и веселое лучистое солнце жарко пекло его лохматую голову... Встречался урядник верхом на худой длинношей кляче, или бородастый, могучий о. Алексей в широкополой шляпе, высоко восседавший на своей тележке, за которой бежал жеребенок мышиного цвета на длинных, тонких ножках... Все это портило дело: ведь так хотелось чувствовать себя в совершенно безлюдном краю! Но бывало и хуже: иногда вдали показывался тарантас, а в тарантасе—загорелый помещик в крылатке, в дворянском картузе, с изумленно выкаченными белками. Увидав соседа, он изумлялся еще более, радостно тарашил глаза и разводил руками, а кучер в плисовой безрукавке и круглой детской шапочке с павлиньими перьями останавливал тройку. Останавливал лошадь и отец, слезал с дрожек навстречу вылезавшему из тарантаса толстяку—и начинались бесконечные разговоры. Помещик говорит страшно громко, размахивает руками и все кого-то бранит... Потом над чем-то долго, с мучительным наслаждением хохочет, сотрясаясь всем телом... Отец тоже кричит и тоже хохочет...

— Ну, до свиданья, до свиданья!—наконец говорит он, находившись.

— До свидания, батюшка, — очень рад был встретиться!

— Мой поклон вашему семейству!

— И вашим также передайте мой сердечный привет!

— Восемнадцатого будете?

— Обязательно, обязательно!

Помещик становится на подножку тарантаса, накренивая его, с трудом усаживается... Но не проходит и минуты, как сзади опять раздается крик:

— Сосед! На минуточку!

И опять стоянка, опять разговоры...

Утомленная, но счастливая своими хлопотами Джальма сидит у колес и жарко дышит, изредка, с коротким стуком, лоя зубами мух. В небе блещут и кудрявятся белые облака, всюду столько света и радости, как бывает лишь в июне, и все неподвижнее становится воздух к полудню. Два желтых мотылька, как два лепестка розы, беззвучно и однообразно играют над склонившимися в оцепенении колосьями, над цветами и травами, нагретыми зноем. Сладко пахнет васильками. И, щурясь от солнца, Иля в забытье следит за облаком, похожим на пуделя, которое, медленно тая, плывет по светозарной сини неба, прислушивается, как сипят в траве кузнечики, а над головою на тысячу ладов сонно звенит жалобными дискантами воздушная музыка насекомых, немолчно воспевающих дали, млеющие в мареве зноя, радость и свет солнца, беспричинную, божественную радость жизни...

— Уснул?—раздается вдруг бодрый голос.

Наговорившись, отец гонит лошадь шибко, и дрожки точно сами собою бегут по наклонной дорожке, к какому-то широкому и неглубокому лого среди степных косогоров. За этим логом следует длинный под'ем на покатую гору, залитую зелеными

обсами, а с горы открывается вид на новый, еще более широкий и разлтый лог. Тут были заливные болотистые лужки, и мелкая степная речка, извивающаяся по ним, делала много широких затонов, густо заросших зелеными цветками куги. Оттого, что горизонт был со всех сторон замкнут этими похожими на ржаные хлеба косогорами, глухо тут было на редкость, но какая милая, своеобразная жизнь—жизнь куличков, бекасов и диких чирков—чувствовалась в тишине и глуши этих мелких затонов!

— Держись!—кричит отец сквозь дребезжание бегущих под гору дрожек.

И вдруг дребезжание сразу обрывается.

Под горою ветерок спадает. Солнце печет, колеса шуршат в густой, насыщенной водой траве. Пресно пахнет теплым илом, разогретой кугою; белая, как снег, рыбалка неожиданно вырывается из кочарников и сверкает в воздухе острыми крыльями... А вот и болото—серебристо-зеркальные затоны с островками тонколистой осоки...

Не спуская с них глаз, отец передает Иле вожжи, осторожно слезает с дрожек и, скинув ружье, торопливо, но бесшумно направляется к ним.

— Джальма!—строго, отрывисто и негромко говорит он каким-то особым, условным тоном Джальме, которая перепрыгивает с кочки на кочку с высунутым языком. Длинные сапоги его тонут в мягких кочарниках, серебристые пузыри остаются в его следах, отпечатывающихся в бархатистой и влажной траве... От солнца и блеска воды светло так, что больно смотреть...

— Джальма!

И Джальма, быстро оглянувшись, вдруг—бултых в воду и, наслаждаясь прохладой, медленно

плывет по затону к камышам. Из воды видна только ее вытянутая прилизанная голова с опущенными ушами и длинный хвост, который плывет за ней, как чужой, как палка. Потом и голова и хвост заворачивают в камыши, отец входит по колена в воду и тоже скрывается в камышах. Проходит десять, двадцать минут напряженного молчания... Где-то далеко раздается тяжкий глухой выстрел... Весь встрепетувшись, пристально глядит Иля вперед, но за камышами ничего не видно. В камышах что-то осторожно попискивает и булькает; по широкой луже недалеко от дрожек, грациозно извиваясь, проплывает уж; перламутрово-голубые стрекозы с треском распускают длинные стеклянные крылышки, вылетая из горячей травы, а высоко в небе медленно вырастает и вытягивается большое белоснежное облако... Вот оно приняло образ сказочного исполина, а из затона, в котором, углубляя его, ярко светит отражение этого исполина, что-то глухо, угрюмо и жалобно ухнуло... Ухнуло и выжидательно замолчало...

— Бычки!—вспоминает Иля загодичное слово, оброненное отцом, и весь замирает от сладкого ужаса.

Воображение мгновенно создает образ какого-то фантастического существа, одного из тех страшных подводных жителей, что глубоко скрываются в болотах и только изредка высовывают свои лобастые, рогатые головы с выпученными глазами на свет божий. Что, если выглянет такой бычок именно теперь, в этот безмолвный час знойного полдня? И, косясь на затон, Иля не замечает, что картуз его с'ехал на затылок, что комары облепили ему потную шею и руки, и что ослепительно-жаркое солнце бьет прямо в лицо...

Вдруг раздается кашель. Иля вздрагивает и мгновенно возвращается к действительности. Отец идет, по пояс мокрый, хлопает тяжелыми сапогами, налитыми болотной водой.

— Тут... бычки,—говорит Иля нерешительно.

— Ну, и что же?

— Они очень большие?

— Кто? Бычки-то? Да ведь это жучки. Водяные жучки!

— Как жучки?—бормочет Иля, пораженный и разочарованный.

Отец покраснелся, расетегнул ворот рубахи, лицо у него доброе и оживленное. Подойдя к дрожкам, он бросает Иле убитого чирка, и, мгновенно забыв о бычках, Иля с жаждостью ловит его налету. Чирок еще теплый! Головка с закатившимися глазами, подернутыми белесою пленкой, бесильно падает на радужный зобик, брюшко в запекшейся крови... Но как оно славно пахнет тиной и порохом! И Джальма вылезает из осоки тоже веселая и удовлетворенная. Глаза безумные, с длинного красного языка льет слюна, белая атласная шерсть вся прилизана, уши висят, ноги в иле,—точно в черных чулках...

Мокрые, блестящие шины колес снова шуршат по бархатной сочной траве, изредка врезываясь в воду и разбрасывая во все стороны светлые длинные брызги. Лужи, в которых золотыми полосами то там, то здесь вспыхивает жаркий солнечный блеск, мелькают перед глазами. Из куги то и дело с жалобными стонами вырываются кулички... Потом мягкий кочкарник сразу обрывается,—дрожки снова трещат по дороге, убегающей в гору... Но Иля едва замечает все это.

Ах, когда он вырастет, он будет самым счастливым человеком в мире! Он поселится на хуторе,

будет жить только охотой, будет каждый день чистить кирпичом и промывать свое ружье, будет варить себе кулеш, спать прямо возле порога флигеля, на войлоке, а просыпаться еще в ту пору, когда едва-едва брезжит зелено-серебристый рассвет...

Да и теперь чудесно. Дышит Илья чистым полевым ветром, слушает хохлатых жаворонков, распевających над полями, в облаках, в бесконечном просторе... Степь вокруг, куда ни кинь взор, зеленая, ровная, вольная. И ни души в степи, ни кустика, ни деревца, — только далеко впереди машет, как утопающий руками, чья-то мельница...

Сон, сон!

Лев Толстой

Из романа „Анна Каренина“

— Ну, какой же наш маршрут? Расскажи-ка хорошенько, — сказал Степан Аркадьевич.

— План следующий: теперь мы едем до Гвоздева. В Гвоздеве болото дупельное по сю сторону, а за Гвоздевым идут чудные бекасиные болота, и дупеля бывают. Теперь жарко, и мы к вечеру (двадцать верст) приедем и возьмем вечернее поле; переночуем, а уж завтра в большие болота.

— А дорогой разве ничего нет?

— Есть; но задержимся, и жарко. Есть славные два местечка, да едва ли есть что.

Левину самому захотелось зайти в эти местечки, но местечки были от дома близкие, он всегда мог взять их, и местечки были маленькие, — троим негде стрелять. И потом он кривил душой, говоря, что едва ли есть что. Поровнявшись с маленьким болотцем, Левин хотел проехать мимо, но опытный охотничий глаз Степана Аркадьевича тотчас же рассмотрел видную с дороги мочегину.

— Не заедем ли? — сказал он, указывая на болотце.

Ив. Бунин

П у г а ч

Он сел в глуши, в шагре столетней ели
На яркий свет сквозь ветки и сучки.
С безумным изумлением глядели
Сверкающие золотом зрачки.

Я выстрелил. Он вздрогнул—и бесшумно
Сорвался вниз, на мох корней вьгих.
Но и во мху блеснят, горят безумно
Круги зрачков лучистого-золотых.

Раскинулись изломанные крылья,
Но хищный взгляд все как же дик и вол.
И сгаль когтей с отчаяньем бессилья
Вонзается в ружейный скользкий ствол.

А. Марлинский

Из поэмы „Охота“

Знак подан; быстрая охота,
Полет готова соколам,
Рассыпалась по берегам
Вблизи дремучего болота;
И взоры всех и мысли там
И все молчит. Вот пес следничий,
Гонитель злой пернатой дичи,
В погоню бросается стремглав;
По тростникам перебираясь,
То перескоками, то вплавь,
Идег, на ловчих озираясь,
Но лов послыша издали,
Угрюмых тундр жилец пустынный
Взлетела цапля от земли,
Назад простерши ноги длинны.
Свисток! и с путою златой
Спадает шапочка долой.
Поражены лучем денницы,
Расширив ясные зрачки,
И отрясаясь, хищны птицы
Не вдруг кидаются с руки.
И первый сокол князь Андрея,

Ив. Бунин

В от'езжем поле

Сумрак ночи к западу уходит,
Серой мглой над черной пашней бродит,
По бурьянам стелется к земле...
Звезды сгали тусклы и далеки,
Небеса—туманны и глубоки,
Но восток уж виден в полумгле.

Лошади продрогли. Север дышит
Ветром ночи и полынь колышет...
Вот и утро!—В колеях дорог
Грязь чернеет, лужи заалели...
Томно псы голодные запели...
Встань, труби в холодный звонкий рог.

Старых предков я наследье чую,
Зверем в поле осенью почую,
На заре добычи жду... Скудна
Жизнь моя, расцветшая в неволе,
И хочу я слепо в диком поле
Силу страсти вычерпать до дна.

Ив. Бунин.

Т у м а н

Сумрачно, скучно светает зря.
Пахнет листвою и мокрыми гумнами,
Воют и тянут за рогом пса
Гончие сворами шумными.

Тянут, стихают — и тонут следы
В темном тумане. Людская чуть курится.
Сонно в осиннике вхохчут дрозды.
Чаща и дремлет, и хмурится.

И до печальных вечерних огней
В море туманных лесов за долинами
Будет стонать все скучней и скучней
Рог голосами звериными.

охоте и такого же страстного охотника, как я. Этот
голос возвратил меня к действительности. Разле-
телись сладкие грезы! Русачьи малики зарябили
перед моими глазами. Я поспешно схватил со
стены мое любимое ружье, моего неизменного
испанца...

Москва 1858 г. Декабрь.

Ив. Бунин

Олень

Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шел олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб—
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с магушки на сугроб.

Вот снова след—размеренный и редкий...
И вдруг—прыжок! И далеко в лесу
Теряется собачий гон—и ветки,
Обитые рогами на бегу.

О, как легко он уходил долиной,
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной,
Он красоту от смерти уносил.

Ив. Бунин

Р у с а к

Непроглядная метель, стекла окон залеплены свежим белым снегом, в доме белый снежный свет; и все время однообразно шумит за стенами, однообразно, через известные промежутки, скрипит и стонет сук старого дерева в палисаднике, уже давно задевающий крышу. Лежу и читаю и, как всегда в метель, с особой отрадой чувствую стаяну, уют дома.

Вот в прихожую хлопнула дверь, слышно, как Петя, вернувшийся с охоты, топает валенками, отряхивается от снега, затем мягкими шагами идет через залу к себе. Я встаю и иду в прихожую. С полем или нет?

С полем.

На лавке в прихожей, растянувшись, выкинув передние лапки вперед, а задние назад, лежит старый, уже выбелившийся русак. И как всегда в таких случаях, я гляжу на него, трогаю и с изумлением, и восторгом.

Он лобастый, с большими и выпученными, глядящими назад стекловидными глазами, золотистыми внутри и ничуть еще не померкшими,—все

такими же бессмысленно блестящими, как и при жизни.

Но вся его тяжелая тушка уже каменно-тверда и холодна.

Закаменели, туго вытянуты лапки в жесткой шерстке, туго завернут серо-коричневый мохор хвостика. И на торчащих кошачьих усах, на раздвоенной верхней губе—запекшаяся кровь.

Чудо, дивное чудо!

Час тому назад, всего час тому назад, шевеля этими усами, прижав вот эти длинные уши и чутко, зорко кося за спину стеклом глаз, золотистых внутри, он лежал в мерзлой ямке под сугробом в поле, наполняя эту ямку своим жарким теплом, блаженствуя в буйном дыму вьюги, которая со всех сторон дула, заносила его снегом. Внезапно открытый и поднятый собакой, он дал от нее такого стрекача, головокружительную красоту которого не выразить никаким человеческим словом. И как жарко и дико колотилось его обезумевшее, оглушенное выстрелом сердце, когда порывисто оборвался его бег, а Петя крепко поймал его за уши, и каким пронзительным, младенческим воплем ответил он на то последнее, что вдруг ощутил он,—острый огонь кинжала, глубоко пронзивший ему горло!

Нет слов выразить то непонятное наслаждение, с которым я чувствую и эту гладкую шкурку, и закаменевшую тушку, и самого себя, и холодное окно прихожей, занесенное, залепленное свежим белым снегом, и весь этот вьюжный, бледный свет, разлитый в доме...